

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава X

Ад и история теперь были переплетены так же тесно, как грехи, долгое время терзавшие могущественный Вавилон. Как это случилось в 1331 году, в уединенном храме в Центральном Китае произошел взрыв, и из его самого тщательно охраняемого секрета мертвая птица разнесла послание Люцифаила по всей земле. В течение семнадцати отвратительных лет зловоние гниения витало над Монгольским царством, словно божественная и злобная миазма — Черная смерть была дьявольской болезнью. Смертоносное зелье Люцифаэля, исходящее из самого сердца континента, продолжало развращать обширное азиатское царство, и к 1347 году волна смертности и недугов распространилась до самых южных берегов, достигнув Черного и его молодой генуэзский портовый город Каффа.

Черное море - Каффа - октябрь 1347 года

После открытия генуэзцами водного торгового пути на Дальний Восток и в Крым, азиатский морской порт Каффа превратился в процветающий центр для генуэзских купцов, которые собирали редкие и бесценные товары с монгольского Шелкового пути и отправляли их в различные королевства Европы. Однако в конце 1347 года Шелковый путь преподнес своим жаждущим торговли генуэзским торговцам совсем другой подарок: бубонную чуму.

Город Каффа, окруженный стенами, немедленно закрыл свои ворота, защищаясь от дальнейшего распространения инфекции, в то время как в других местах монголы, тысячами, продолжали умирать. Злые вести о гонуэзских торговцах распространялись так же быстро, как и сама болезнь — весть о том, что западные пришельцы, прибегнув к своей «злой христианской магии», наложили самое страшное проклятие над Монголией. Поэтому уцелевшие военачальники объединились, чтобы сформировать армию монгольских татар, которые атаковали укрепленный город, пытаясь оттеснить колониального зверя обратно в море, откуда он пришел. Тем не менее, благодаря обороняющимся рядам умелых арбалетчиков, копейщиков и превосходной стратегии, Каффа сохранила свои права на крымскую территорию.

Некогда спокойная сельская местность постепенно изменилась: там, где по нетронутым лесам разносился свежий аромат осенней листвы и пение птиц, теперь воздух наполнялся звуками и Запахи нарастающего конфликта — грохот копыт по замерзшей земле — запах кожи, пота, отходов и гнилых остатков — далекие крики и стоны зверей. Первоначально спорадические, нападения на город становились все более организованными и жесточеными по мере развития кампании. Тем не менее, гонуэзцы сдерживали монголов в течение трех изнурительных месяцев — пока татары не начали разрушать крепостные стены Каффы волнами мстительных, атакующих, кричащих и самых благородных монголов. Весной 1347 года, когда потеплели цветы распускались, гонуэзская кровь сочилась из стен собственного города. Оставшись без провизии и трудоспособных жителей, они смирились с, казалось бы, неизбежным исходом — татары были на грани захвата города.

Однако ход битвы изменился, поскольку татары стали жертвами необычного и, возможно, преднамеренного божественного поворота судьбы. Ветер сменился, и горячее дыхание Люцифаэля обдало наступающие армии, поскольку чума наконец проникла в ряды татарских полчищ. Всего за несколько дней вся местность пропитана зловонием гниющих монголов, и на многие мили вокруг воздух был пропитан парами разлагающейся человеческой плоти. Униженные, татарские владыки наблюдали, как их огромные силы рушатся, целые легионы падают, раздутые, почерневшие и истребленные болезнью.

Неудивительно, что татары были поражены и опозорены своим ослабленным положением — они высоко ценили свои культурные и религиозные увлечения, почитая их с честью, превосходящей любой страх потери жизни. В основном ослепленные такими строгими социальными представлениями, которые были подкреплены столетиями неуклонной индоктринации, монгольские воины ценили только один образ жизни и принимали только один способ смерти. Для монголов жизнь и смерть были черно-белыми, без какой-либо путаницы в вопросах достоинства и бесчестия. Для них смерть в бою была почетной, в отличие от смерти от болезни, которая позорила всю их семью и навсегда оставляла след в их жизни.

выжившие, обремененные социальным клеймом нечистого происхождения.

Многие монголы сошли с ума от лихорадки, пораженные болезнью, чтобы продемонстрировать самую благородную позицию. Смерть, они атаковали стены Каффы массированными самоубийственными рейдами. Отставшие, слишком слабые, чтобы сражаться, выбивались вперед и стояли перед крепостными стенами, словно церемониальные ничтожества и нищие достоинства, жаждущие гемуэзского арбалета, который бы облегчил их страдания и спас их семьи от неизбежной и бесчестной чести. Возможно, посредством подразумеваемого искупления, татарские воины бросились к основанию городских укреплений, жертвуя своим превосходством в численности перед постоянно растущей лестницей из кишасей мухами плоти, позволяя своим монгольским товарищам взобраться на их самые почетные останки и взобраться на стены.

С течением дней, когда солнце скрывалось за вечерним небом, а прибрежный бриз менял направление на морское, гемуэзские колонисты тонули в едком смраде тысячи людей. Тартары озлобились. Тем не менее, они держали свой город, молясь, чтобы чума в конце концов сломала волю монгольских масс. Помимо численности и укреплений, время не было союзником ни для одной из армий, поскольку гемуэзцы истощали свои запасы так же быстро, как чума убивала новобранцев-татар. Таким образом, могло показаться, что обе армии оказались в тупике.

Однако, как хорошо знала история, при каждом применении Военного искусства человек был всего лишь расходной пешкой. В конце концов, Военное искусство не было земным замыслом — это было сугубо божественное изобретение, задуманное еще до сотворения Ада, когда легионы небесных Ангелов вооружились против своих земных братьев и сестер: Стражей с их Вождями Десяти. И одна Ангельская Сестра, в частности, знала о замысле войны. Подобно Ангелу Аполлону, Люцифаил также был одним из самых выдающихся и избранных Ангелов Бога и был посвящен в большую часть Его Великого Замысла, включая Военное искусство и Завоевание. Однако, в отличие от относительно изящного падения Аполлона, последовавшего сразу за её гибелью, Люцифаэль использовала свои глубокие знания о сотворении и разрушении, чтобы влиять на Человека, предоставляя Ему новые инструменты и стратегии для ведения всё более эффективных войн против Его собратьев — пушка, длинный лук и бронебойная стрела-игла были лишь последними орудиями разрушения, разработанными посредством тайных намёков её злых советов. Теперь она нашептывала новые секреты, и искусство войны снова эволюционировало, включив в себя смертоносную новую концепцию Люцифаэль. Когда она заразила ушные раковины умирающих татарских лордов ее довольно гнусной стратегией уничтожения человечества: бактериологической войне.

Преисполненные решимости свергнуть гемуэзцев и получив новые откровения от Люцифаэля, лорды

призвали флот из тринадцати своих крупнейших катапульта, приказав своим армиям метать заражённые трупы павших товарищей в самом сердце огороженного города. Равномерно распределённые по стенам Каффы, машины смерти не прекращали свою работу. День и ночь, без перерыва, неиссякаемый поток поражённых чумой монголов обрушивался на генуэзский город, проламывая крыши и давя ничего не подозревающих прохожих. При такой невообразимой скорости колонисты не могли сжигать тела так же быстро, как татары сбрасывали их за стены. И ужасный запах горящих волос и кожи смешивался с уже существующим запахом гниющей плоти, наполняя огороженное поселение удушающей зловонием. Каффа погрузилась в ад. На самой высокой ветке вишнёвого дерева одинокий ворон дважды каркнул — и ещё раз.

Окруженный и почти полностью истощивший свои запасы провизии, Каффа подготовил флот из тринадцати своих крупнейших океанских кораблей, оснатив их для быстрого отплытия. Генуэзские моряки, солдаты и торговцы опустошили город, заполнив трюмы всех бесценных вещей: золотом и серебром; азиатским нефритом и искусно изготовленной керамикой; дублеными шкурами и связанными мехами; необработанными драгоценными камнями и редкими драгоценностями; а также бочками со специями и парфюмерией. Когда же они полностью загрузили корпуса флота, они сняли обшивку с деревянных построек города, возведя палубы кораблей ещё более высокими стенами, чтобы разместить оставшийся дополнительный груз. Опустошив город от самых ценных активов, двенадцать кораблей незаметно вышли из порта под покровом темноты. Экипаж Тринадцатого полка остался позади. Полностью поджигая город, они оставили после себя бушующее пламя пылающих зданий, настигая отступающую армию.

«Санта-Годеберта» была самым большим и самым мореходным из тринадцати судов типа «ког». Ее массивные колоннообразные поперечные балки перекрывали двойной усиленный корпус из клинкерных досок, и, с высокой мачтой, реей и парусом, она сопровождала свою тяжелую флотилию к Генуе. Ее экипаж к тому времени модифицировал палубу, включив в нее доски, взятые напрокат из зданий Каффы, которые образовали приподнятую стену над бортами. В целях подготовки к штормам металлические защелки закрепляли сеть канатов, которые удерживали ее чрезмерно большой груз на верхней палубе.

Она была крупнее большинства океанских торговых судов, являлась новейшей постройкой и гордостью генуэзских кораблестроителей. Над кормовой частью, покрытой грузовым отсеком, располагалась U-образная кормовая палуба. На палубе, а над носовой палубой, простиралась вместительная носовая палуба, тянувшаяся над прямым форштевнем. Даже без десятков тонн груза «Каффа» ее водоизмещение составляло почти сто сорок четыре тонны. Это было поистине морское чудовище, если таковое вообще существовало. Однако она была не пустой, а до отказа забита, её днище тяжело упиралось в воду, а двенадцать лопастей для вёсел плотно прилегали к океанским волнам. Это был всего лишь её восьмой рейс из Каффы в Геную, и он ещё окажется самым тяжёлым. Она явно перегрузилась.

Несмотря на расчетную вместимость, малейшая неудача или ошибка в расчетах могли запросто отправить ее и ее двадцать четыре моряка на дно океана. Под покровом утренних звезд и при постоянном морском ветре «Санта Годеберта» вела свой тяжело нагруженный флот по спокойному морю в сторону темного горизонта, в направлении родного берега .

Дюжина тяжело нагруженных торговых судов тяжело плыла по ватерлинии; перегруженные деревянные конструкции корпусов скрипели и стонали в бурлящих морских брызгах; запах рассола и гнили витал в полных сокровищах трюмах. Мужчины, женщины и дети покрывали каждый сантиметр.

Они сидели на палубе, но ни слова не было сказано — немногочисленные младенцы на борту были слишком слабы, чтобы плакать.

Действительно, генуэзские колонисты избежали нападения татарских трупов со всеми своими сокровищами, оставив своим завистливым азиатским врагам лишь выжженную землю. Однако, каким бы чистым и легким ни казалось их бегство, они не учли вмешательства Ангелов — когда Люцифаэль имела отношение к Истории, она закладывала ее корни, часто сея будущее с горько-сладким оглядом назад. Генуэзцы были в безопасности.

Однако им не удалось избежать своей ужасной участи, которую Люцифаэль коварно предопределил.

Спустя всего несколько дней после начала плавания члены флота тяжело заболели.

Выжившие моряки сбросили погибших за борт, помещая больных на карантин в каютах.

и ближе к корме своих кораблей. Они выиграли себе достаточно времени, чтобы сдержать смертельную заразу, поливая палубу ведрами с рассолом, чтобы смыть выделения и жидкости зараженных. Даже при таких мерах предосторожности они не подозревали, что их товарищи представляли меньший источник заражения, чем безбилетные пассажиры, прятавшиеся под палубами их кораблей. И когда армада обогнула...

На самой южной оконечности Италии число умирающих почти вдвое превышало число живых.

В пути следовавший за ними корабль с моряками, сожгшими Каффу дотла, отделился от флота и

бесцельно дрейфовал, постепенно скрываясь за горизонтом океана. Двенадцать кораблей двигались вперед, словно неумолимые плавающие гробы, пересекая бесплодное море и движимые лишь...

Желание увидеть генуэзский порт стало непреодолимым. Однако отчаяние в конце концов заставило «Санта-

Годеберту» взять курс на море. С ослабевшими матросами, управляющими такелажем, и слишком большим расстоянием до Генуи , она развернула нос и флот в сторону ближайшего морского порта Мессины на Сицилии.

Имея в своем распоряжении всего лишь дюжину ползучих торговых судов, на борту которых находилось

бегущее население и горстка умирающих моряков, «Флот Черной смерти» пережил историю и войдет в

историю как самая смертоносная и плохо оснащенная армада, когда-либо бороздившая европейские воды. И из вод под водой «Земля», — усмехнулся Люцифаэль.

Маунтин-Маус

Заходящее солнце скрылось за унылыми осенними тучами, оставив над сердцем Франции мрачную и непривычно холодную ночь. Треснула ветка дерева; залаяла собака; однако никакой другой шум не нарушал тишину и безветренную ночь. Под землей сквозь темноту доносился звук тяжелого дыхания мальчика, когда глубоко в недрах Горного Пасти фигура в плаще с трудом поднималась по крутому проходу к гроту, держа на плече наполненный водой флягу. Силуэт бросил флягу у стены пещеры и резко обратил внимание на угасающий костер. Свежие дрова и новое пламя вывели на свет Лазаря, капюшон которого теперь был заправлен в веревочный пояс. Длинные черные волосы обрамляли грязное и мрачное лицо мальчика, его глаза мерцали, как сапфиры, в свете огня. Помимо постоянного тумана от его дыхания, лишь движение зрачков, которые в этот неподвижный момент то расширялись, то сужались в свете едва заметного пламени, указывало на происходящее.

Лазарь сидел на камне. Пытаясь избавиться от давнего холода, пронизывающего его конечности, он натянул на себя капюшон своей одежды, прислонил ноги к раскаленным углям и согрел руки. Но пламя разгоралось все сильнее. Огонь ревел, и зрачки Лазаря были крошечными отверстиями на фоне голубых кругов. Он отступил от адского жара, который теперь поглощал всякий холод из грота. Высоко над головой оранжевые оттенки и меняющиеся тени танцевали по цепляющейся массе из тысячи летучих мышей; их бесчисленные глаза, отражаясь в свете огня, имитировали... Темное небо, усеянное мерцающими звездами. Дым поднимался спиралью вверх, скапливаясь у потолка грота. Несколько летучих мышей взлетели и начали кружить над пещерой. Лазарус снял капюшон с головы и проверил, не рассеялся ли туман от его дыхания. В быстро нагревающейся пещере зашевелилось еще несколько летучих мышей.

Мальчик, выйдя из костра, пристально посмотрел на летучих мышей и, поднимаясь по неровным рядам террасных уступов, направился к верхним уровням пещеры, время от времени оборачиваясь, чтобы осмотреть их с еще большей высоты, прежде чем продолжить восхождение. Море маленьких черных глаз внимательно следило за его неуклонным продвижением вверх; однако летучие мыши не убежали, как он сначала предположил. Вместо этого они оставались неподвижно прижатыми к потолку, по-видимому, так же любопытствуя к Лазарю, как и он к ним. Мальчик забрался на самый высокий уступ. Он встал и поправил свою одежду, осматривая потолок грота с множеством пристально смотрящих глаз.

«Тебе тепло?» — спросил он вслух. «Научишь меня?» Внезапный крик мальчика разнесся по пещере, и несколько летучих мышей спрыгнули со своих насестов, присоединившись к тем, кто уже кружил в пещере. За ними последовали и другие, и грот забурлил от хлопанья крыльев.

В целом, могло показаться, что они по очереди демонстрировали свою достоинство колонии, в то время как массы, словно небесные судьи, следили за воздушными способностями очередного участника демонстрации. И даже если их не судили, Лазарь, безусловно, внимательно следил за теми, кто решил летать. Наконец мальчик разделся. Крепко усевшись на выступе, он остался лишь в набедренной повязке и варежках. Его собственные великолепные, похожие на крылья летучей мыши, крылья расправились и расправились, и он имитировал движения крыльев своих крошечных учителей. Хотя каждая летучая мышь была разной, Лазарь понял, что в полете движения ее крыльев были идентичны движениям всех остальных: крылья, сложенные чашечкой и взмахивающие при подъеме, крылья, жестко раскрытые и резко замедляющиеся, и крылья, сложенные для быстрого пикирования. Его глаза сверкали; крылья лопались в воздухе; его мозг горел, когда он размышлял о методике — о множестве форм и необходимых методов, наглядно демонстрируемых в искусстве полета летучей мыши. Так случилось, что большую часть вечера он учился у своих пещерных спутников.

За час до рассвета летучие мыши закрыли свои маленькие черные глаза, погрузившись в мир перевернутых снов, и Лазарь удалился от вечерних занятий. Уставший, голодный, замерзший и с ноющими крыльями, Лазарь снова облачился в свои одежды и спустился на пол грота. Он разжег огонь и набрал еды из мешка с припасами. Наконец, он сел на камень перед вновь разгоревшимся пламенем, рядом с ним лежала водяная поилка, и он жадно пировал, поедая лепешки и полоски вяленого мяса. Внезапное движение в тенях привлекло его внимание.

Жёлтые глаза светились!

«Шипение!» Лазарь выплюнул еду, упал с камня и поскакал назад, когда у входа в грот в темноте словно парили блестящие, ничем не связанные глаза.

Подобно двум лунам, парящим у дна пещеры, эти шары пронзали Лазаря отражающим светом огня.

«Кто там?» — выдавил из себя Лазарь, прижав уши и широко раскрыв зрачки. Глаза не моргали. Лазарь принялся и поднял уши, чтобы обнаружить слабый запах и неровное дыхание животного, которое тоже учуяло воздух.

Затем черный кабан фыркнул и вышел из тени коридора. Лазарь вздохнул с облегчением. Он встал и отряхнул пыль со своей мантии, посмеиваясь при этом. «Ну, — сказал он. «Ты свинья! Я видел себе подобных — в книгах!» Испуганный кабан бросился к входу в грот, но остановился и оглянулся на Лазаря.

«О, не уходи! Я не желаю тебе зла. Я сейчас сяду». Лазарь осторожно подошел к камню и молча сел. Кабан повернулся к Лазарю и сделал несколько маленьких шагов, остановившись, чтобы понюхать воздух.

«Ты голоден, да?» — спросил Лазарь. Он поднял кусок мяса, лежавший рядом с его ногой, и Представили это в выгодном свете. «Идите. Ешьте». Кабан держался на расстоянии. «Возьми». Лазарь бросил мясо всего в нескольких футах от животного. Оно нервно переводило взгляд с Лазаря на объедки; наконец, оно шагнуло вперед, понюхало и съело мясо. Затем оно уставилось на Лазаря, словно ожидая продолжения. «А ты тоже любишь хлеб? Мне он не нравится — слишком сухой». Лазарь бросил большой кусок лепешки. Кабан схватил его и выскочил из грота. «Подожди! Не уходи!» Лазарь бросился в погоню. Во внешней пещере он завернул за угол к входу и увидел кабана, карабкающегося по скалистому хребту. Над холмом по небу растянулись багровые облака — ранний восход солнца. Лазарь резко скрылся в темноте. Только тогда он осознал, насколько сильно устал. Он, побредя, вернулся в грот.

В течение следующей недели Лазарь продолжал свои уроки, укрепляя крылья настолько, чтобы оторваться от пола; однако крылья все еще были слишком слабы, чтобы выдержать его вес, и Лазарь мог совершать лишь короткие низковысотные полеты между вершинами камней на полу пещеры.

С течением времени Лазарус подстроился под расписание летучих мышей, спя днем, чтобы изучать их в период наибольшей активности. Ночи становились все холоднее, повторялись заморозки, и когда куча дров истощилась, он покидал пещеру, чтобы собирать хворост на обратной стороне Горного Пасти. По мере того как дым от его костров продолжал подниматься, все больше летучих мышей покидало пещеру в поисках уединенных мест для ночлега. Когда их стало почти четверть, Лазарус начал замечать пустые места на потолке, которые когда-то были их покрыванием. Однако в эти дни внимание Лазаруса было сосредоточено не только на летучих мышах, поскольку после уроков, ровно на рассвете, кабан теперь часто прилетал к Горному Пасти, чтобы пообедать с ним. И они обедали.

Сицилия - Порт Мессина

Нарядно одетый сицилийский мальчик стоял у берега, когда стая чаек налетела на него, выпрашивая кусочки ломаного хлеба. Его длинные черные волосы и яркая одежда развевались на ветру. Он поднял последний кусочек манны к небу, закрыв глаза и скривив лицо. Чайка выхватила его у него из рук, и он резко опустил руку, хихикая. Мальчик прикрыл глаза от палящего солнца, сцепив пальцы на лбу и глядя на юго-западный горизонт океана. Появились две точки, затем третья.

«Мама! Корабли!» — крикнул мальчик через плечо, указывая в сторону моря. — «Четыре!»

Пять кораблей! Ещё больше!

Корабль «Санта Годаберта» возглавил свою многочисленную армаду торговых судов, вошедших в порт Мессины. С низкой кормой и высоким носом она рассекала волны, перегруженная внушительными и дорогостоящими остатками павшего города. Как корабль-призрак, ее заброшенная палуба блестела от брызг; и все же, без видимого экипажа, управляющего курсом. Несмотря на то, что она не шла под парусами, она не кренилась и не раскачивалась на океанских волнах. Даже с её многотонным грузом, лишь горстка блох и корзина крыс могли бы по-настоящему продемонстрировать всю серьёзность её улова. Не тяжелее мешка риса, эти незначительные насекомые и грызуны вполне способны сломать спины миллионам людей, сокрушить опоры и плиты всех европейских королевств и сравнять с землёй весь континент.

Толпа пешеходов и прохожих собралась на пристани, чтобы стать свидетелями редкого для того времени зрелища: флотилии огромных кораблей, казалось бы, способных бороздить даже самые широкие и коварные океаны. Сотни жаждущих приключений юношей и неряшливых крестьян выстроились вдоль причалов. Порт стремится занять большую часть немногочисленного причального пространства, расположенного ближе всего к канатным сваям. Они боролись за место наемных рабочих для разгрузки грузов. Имея такой большой флот, они были совершенно уверены, что тем, кого выберут для разгрузки, будет выплачена щедрая плата в размере нескольких дней. Работы было в самом разгаре. Мужчины ворчали и толкались, а борцы взбалтывали пыль. Порт был переполнен, и толпа, разросшаяся до невероятных размеров, вышла на улицы. Шумный город замер, остановившись, чтобы понаблюдать за приближающейся армадой. Для всех наблюдателей становилось все более очевидным, что доки не в состоянии безопасно принять такую чудовищную флотилию. Тем не менее, флот продолжал двигаться вперед, закрывая горизонт своим постоянно растущим присутствием.

Крепкий капитан порта и двое его портовых кузнецов стояли на высоком деревянном причале, возвышающемся над переполненным доком. Раздраженный капитан махал красным знаменем в сторону приближающихся кораблей, сигнализируя им о необходимости остановиться и держаться крепче. «Верно, сэр. Это не наши корабли — возможно, португальские», — сказал один из портовых кузнецов, прищурившись, глядя в сторону моря.

Другой носильщик постучал капитана по волосатому плечу. «Они прибыли, сэр». Мужчина опустил знамя и оглянулся через плечо, увидев ряды вооруженных солдат, прорывающихся сквозь толпу. В целом, яркий солнечный свет их шлемов и движение их вытянутого строя могли бы создать впечатление светящегося огненного червя, раздвигающего море голов, тянущегося к пристани. Он кивнул и снова обратил внимание на непреклонный флот, размахивая знаменем в отчаянной попытке окликнуть их — но безуспешно, так как «Санта Годаберта» прорвала внешний периметр гавани Мессины .

Обеспокоенность капитана была очевидна для его портовых кузнецов, которые также принимали участие в его решении.

благоговейный трепет перед флотом, который теперь надвигался на них, словно плывя с невероятной силой и мощью. В открытом море. Как было принято и являлось правилом для безопасной швартовки крупных судов, таких как Их паруса должны были быть крепко прикреплены к реям, а весла должны были быть натянуты и использоваться во время навигации по гавани. Однако к реям была прикреплена лишь половина паруса «Санта-Годеберты» — остальная часть оставалась развернутой и ловила ветер. Запутанные канаты её главного такелажа свисали вокруг мачты и реи. Слабо вращавшиеся всего три весла практически не замедляли её скорость.

«Они нас сильно прижали, капитан!» — воскликнул один из портовых кузнецов. « За ними целая волна!» Он указал на корабль, следовавший вплотную за «Санта-Годебертой», с полностью расправленными парусами и без весел. «А следующий — он словно бочка , катящаяся по доске — его парус распахнут настезь! Посмотрите на него, капитан, он несётся на полной скорости. Открыто! Мне позвонить?»

Капитан прикрыл рот рукой, размахивая знаменем и крича в сторону приближающегося флота, который начал заполнять бухту: «Аваст! Соберите реи! Поверните нос к корме! Поверните...»

Один из кораблей раздавил небольшую рыбацкую лодку, утащив за собственные обломки сеть, запутавшуюся на носу. Капитан сбросил знамя и приказал портовым кузнецам продолжить выполнение приказа.

Они бросились выполнять его приказ. Один из них обернулся, схватил подвешенный металлический молоток и позвонил в большой трубчатый колокол. Другой мужчина, перекрикивая оглушительный звон, размахивал руками и приказывал толпе покинуть причалы. Началась паника, толпа в спешке бросилась бежать к краю гавани. Кричащие солдаты рассредоточились в отчаянной попытке образовать заграждение.

Многочисленные взоры толпы в Мессине были прикованы к «Санта-Годеберте», которая рассекала белые гребни волн, извергая непрерывные брызги океана из-под своего массивного носа — она была похожа на разъяренное морское чудовище, стремящееся сесть на мель. Капитан порта и двое его людей спрыгнули с наблюдательной башни, в то время как ряды досок и свай рухнули под сокрушительным весом переполненного корабля. Вся гавань содрогнулась от силы удара. Разрушенная башня рухнула на толпу , когда корабль сел на мель, перевалив через строй солдат и раздавив их о берег. Не успела «Санта-Годеберта» упасть на солдат, как...

Второй корабль ворвался в порт, едва избежав столкновения с кормой и задев правый угол кормы, после чего резко повернул, ударившись левым бортом о гавань и разрушив значительную часть деревянного дока. Снова раздался гул морского порта, сопровождаемый грохотом и криками ошеломленного населения. Еще десять тяжелых кораблей.

Корабли входили в порт, представляя собой массивную стену из дерева, канатов и парусов, которая, казалось, поглощала залив; и, не имея ни следа экипажа на мачтах, реях или палубах, морской порт Мессина выглядел осажденным вторгшейся армадой кораблей-призраков.

И что, если не по видимому божественному вмешательству, корпуса двух кораблей остались целыми, в то время как большая часть портового дока была разрушена, прижатая к берегу грудой щепок? Следом за ними в бухту вошли еще десять кораблей, постепенно затихнув. На фоне скопления незваных судов люди суетились, словно обезумевшие насекомые; гавань представляла собой хаотичное движение. Когда нос «Санта-Годеберты» оказался заблокирован, капитан порта и его охранники перебрались на носовую палубу.

Из трюма вывалился потный, без рубашки, болезненный мужчина. Он упал на ближнюю стену и сполз на палубу. Он сутулился, кивая головой, как пьяный. Матрос. Впадины его глаз были темными и, казалось, покрытыми синяками, как и кончики пальцев. Портовая стража окружила его, а другие хлынули в трюм корабля.

Портовый капитан указал над головой: «Спустите паруса! Корабль остаётся на месте!» Несколько портовых кузнецов забрались на такелаж. Он подошёл к потному мужчине и закричал: «Где капитан этого судна?» Он повернулся к входу в трюм и прорычал: «Мне нужна вся команда на палубу! Приведите их!» Он снова повернулся к грязному мужчине: «Кто командует этим флотом?»

Мужчина, находясь в состоянии бреда от лихорадки, ответил: «Нет капитана — нет флота — только океан. Океан забирает мертвых — всех мертвых».

Портовый кузнец шепнул капитану на ухо: «Он, несомненно, пьян».

Капитан порта продолжил свой допрос. «Как называется этот корабль? Этот флот направляется в Геную, верно?» Он оглядел огромный груз. Он взглянул на палубы других судов. «Ваши корабли загружены сверх нормы. Как вам удалось удержать их на плаву, одному Богу известно. Откуда у вас весь этот груз?»

Мужчина ответил: «Корабль — Санта-Годеберта — идет из Каффы в Геную».

Капитан приказал двум своим людям: «Поднимите его на ноги. Дайте ему подышать свежим воздухом».

Он также сказал другому, стоявшему рядом: «Налейте ведро воды. Успокойте его». Капитан покачал головой и пробормотал: «Каффа... с этим грузом?» Он осмотрел привязанные грузы, покрывавшие почти каждый участок палубы, и заметил черную крысу, снующую между бочками.

скрестил руки. «Ни за что на свете».

«Капитан!» — раздался голос из трюма. — «Здесь всего пять человек, а трюм ужасно переполнен». Портовый капитан уставился на трюм.

Когда мужчина вышел, он вытер пот со лба и продолжил: «Капитан, эти люди больны — совсем больны. Нам придется их нести».

Двое охранников протянули руки под руки грязного матроса и подняли его на ноги.

«Аргх!» — закричал мужчина и безвольно рухнул. Испуганные охранники бросили его на палубу, и бес сознания мужчина лежал, раскинув руки над головой, обнажив пару черных опухших масс, похожих на гнилые яблоки, которые торчали из его подмышек. Из разорвавшихся опухолей вытекала смесь гноя и черной крови, растекаясь по палубе. Охранники вытерли руки о штанины. От них исходил отвратительный запах. Спящий матрос. Капитан прикрыл ему нос и рот рукой и отступил назад. «Во имя Бога!»

Затем он повернулся и заорал: «Покидайте корабли! Ничего не трогайте! На борту чума!» Гвардейцы бросились к носу корабля, а портовые кузнецы бросились вниз по такелажу, некоторые из них с головой прыгнули в воду.

Вскоре после этого все двенадцать кораблей были пришвартованы в порту под охраной сотен вооруженных солдат, получивших приказ останавливать, даже с применением смертельной силы, любого, кто попытается подняться на борт или покинуть корабли. И всего за один день слухи о зараженных кораблях распространились по всей Мессине.

На второй день экипажи флота обратились к врачам с просьбой подняться на борт и оказать помощь больным. Городские власти согласились только при условии, что, поднявшись на борт, врач должен остаться. Никто из городских врачей не согласился. Портовые чиновники доставляли еду и воду в ведрах на веревках. После того как ведра опустошались, они оставались на судах. Таким образом, были приняты все меры предосторожности для карантина кораблей.

На третий день над пристанью разнесся смрад смерти, донесенный морским бризом вглубь суши. По предупреждению врачей, охранникам было приказано отступить, опасаясь, что ветер разнесет корабельную инфекцию. Когда охранники отошли дальше от кораблей, над пристанью тихо спустились сумерки, и крысы, мучимые жаждой, набрались смелости, чтобы спуститься по корабельным канатам, по швартовочным тросам и на пристань, откуда тут же убежали, присоединившись к своим сородичам — портовым крысам.

На шестой день многие охранники заболели. В порту собралась разгневанная толпа, и городским властям ничего не оставалось, кроме как приказать двенадцати кораблям покинуть порт вместе с грузом, опасаясь, что их подожгут. Увидев быструю выгоду и бесплатный проход в другие европейские порты, матросы из Генуи, Марселя, Корсики и Сардинии договорились разделить долю ценного груза флота в обмен на комплектование экипажей судов, находящихся в порту и направляющихся в различные прибрежные города.

А на седьмой день гавань вымыла корабли в открытое море. Тотчас же Черный Флот Смерти был расформирован, и большинство его кораблей направились в порты, отличные от Генуи. Их некогда переполненные палубы опустели — пассажиры и члены экипажа один за другим давно выбрасывали за борт всех зараженных чумой, пока никто не пережил путешествие.

Мессина, на первый взгляд неприметная, уже была обречена, поскольку, хотя ее порт и был очищен от генуэзских судов, чума Гейтстоун продолжала таиться в тени под ее доками. На спинах зараженных портовых крыс сидели столь же зараженные блохи, беременные болезнями. Их желудки были крошечными утробами ада — в самом разгаре родов — готовые извергнуть свои дьявольские зелья. И зло дьявола эволюционировало. За несколько недель злая мать Лазаря превратила все население Мессины в плодоносный сад зараженных черных яблок — созревших от смерти и полных желчи.
ее выщипывание.

Так случилось, что Великая Чума поднялась из доков и распространилась вглубь страны, оставив после себя лишь разрушенные руины городов. Чума разгорелась в настоящий лесной пожар, когда настал последний час Европы .

Маунтин-Маус

Прошло более трёх недель с тех пор, как Лазарус впервые прибыл в Горный Устье. За это время его тело закалилось, нарастив мышечную массу, а потерянный вес в руках и ногах перешёл лишь на более тяжёлые и подтянутые крылья. Короткие полёты между каменными плитами пола сменились более длинными полётами на больших высотах. Он больше не взбирался по стене на каменный выступ у крыши; вместо этого он летел прямо к нему. Он собирал дрова не обходя Горный Устье с тыльной стороны, а перелетая через его вершину и обратно. И всё же, даже с этими новыми способностями, он был не в состоянии совершить путешествие в итальянский монастырь. Даже короткие полёты, требующие каких-либо усилий, например, сбор дров, отнимали у него дыхание. И он знал, что для того, чтобы пересечь Леонский залив до острова Корсика или с острова на материковую часть Италии, ему нужно доказать, что он способен оставаться в воздухе хотя бы пол ночи.

С севера неумолимо дул пронизывающий холод. Долина камней была покрыта тонким слоем льда, оставшегося после ночного дождя со льдом. Внутри грота лежал Лазарь. Он спит, свернувшись калачиком у догорающего костра, его ровные выдохи образуют туман в морозном воздухе. Наверху Половина потолка была пуста, летучие мыши ютились у высокой задней части крыши. пещера.

Лазарус застонал и свернулся калачиком. Все еще спя, он насторожил уши и стал искать в пещере новый звук, эхом разносившийся по ее стенам. Он приоткрыл глаза; его огромные зрачки сузились до черных точек на синем фоне.

«Свинья?» — окликнул он, усаживаясь. Он зевнул, обнажив клыки.

Он потер лицо. «Это ты?» В ответ раздался фыркание. «Не сейчас, свинья. Я совсем вымотался».

Лазарь вскрылся в темноте и обнаружил кабана, роющего в его мешке с припасами. «Свинья! Нет!» Лазарь вскочил на ноги и побежал к кабану. «Убирайся оттуда!» Животное высунуло голову из мешка, в зубах у него была толстая тыква. Оно взвизгнуло и выскочило из пещеры с добычей.

«Не дай бог», — пробормотал Лазарь, лихорадочно роясь в содержимом мешка. Он вытащил сосуд с кровью и осмотрел его. За исключением тонкой трещины, проходящей вдоль его боковой стороны, сосуд оставался герметичным и целым. С облегчением его осенила другая мысль, и он, перелистывая мешок, обнаружил, что кабан забрал у него всю еду до последней крошки.

«Свинья!» — закричал он. Лазарь достал из мешка небольшую кожаную сумку и положил в нее флягу и другие вещи, которые он считал достаточно важными, чтобы держать их при себе. Затем он бросился обратно к угасающему огню с сумочкой. «Зачем?» Он поставил сумочку рядом и подбросил в огонь свежие дрова. «Я поделился с тобой едой!» Он бросил еще несколько поленьев на тлеющие угли и закричал в сторону входа в грот — его голос разносился повсюду. Сквозь пустоту, словно колокол сквозь туман, разносится крик: «Не укради!» Несколько летучих мышей взлетели и закружили над пещерой, а тлеющие поленья вспыхнули пламенем. Лазарь пристально смотрел сквозь огонь.

Ещё одна неделя медленно тянулась, пока свежий снег покрывал Горную Пасть. За это время Лазарус разрезал свою одежду сзади так, что его крылья свисали наружу. Он также вернулся к ношению маски. Эти изменения были необходимы, если он хотел долго кружить над вершиной Горной Пасты, не замерзая. И с ними ему удалось продержаться в воздухе почти три часа. Однако даже трёх часов оказалось недостаточно, чтобы пересечь моря. Зима быстро приближалась, а еды не хватало, и Лазарус, наконец, рухнул от голода, усталости и сильного холода. Кульминация этих невыносимых условий заставила его вернуться в грот — чтобы пересмотреть своё обещание.

Ранним утром море звезд тонуло, умирая в багровом небе.

В гроте вялый Лазарь снова разжег огонь и склонил голову. Он взгляделся в почти пустой потолок — осталось лишь четверть летучих мышей. И там он лежал, размышляя, не вернуться ли ему в аббатство; прокрасться в ночь и вернуться в пещеру, пополнив запасы продуктов.

Он вдохнул воздух, почувствовав знакомый запах. У него внутри всё сжалось. Лазарь, карабкаясь по полу, поднял увесистый валун, расправил крылья и взмыл в воздух. Он кружил внутри грота, не сводя глаз с входа в проход. Не подозревая о присутствии Лазаря, кабан шагнул внутрь, бесшумно продвигаясь к пустому мешку с припасами Лазаря. Затем животное просунуло голову в образовавшееся отверстие. Лазарь бросился с камнем и ударил кабана по голове. Кабан взвизгнул, и с потолка вылетели летучие мыши.

Кабан, шатаясь, выскочил из грота. Измученный голодом, он поднял камень и бросился в погоню. Вместе они выбежали из пещеры и пересекли долину камней. Лазарь догнал визжащего кабана, когда они оба преодолели гребень хребта и спустились по его восточному склону. Дезориентированный кабан остановился и набросился на него, яростно размахивая клыками. В тот же миг камень Лазаря попал в цель — кабана больше не стало.

Задыхаясь и измученный, Лазарь схватил кабана за заднее копыто и потащил его вверх по гребню, к пещере. Только приблизившись к вершине, он осознал свое бедственное положение. Он поднял лицо, щурясь на пылающий красный рассвет, и теперь прекрасно понимал, что стоит у входа в пещеру на рассвете. В отчаянии он перетащил кабана через гребень и обратно вниз по его затененному склону. Тяга за тягой Лазарь тащил кабана по сухому руслу реки, прокладывая путь сквозь снег к пещере. Снег навалился на кабана и растаял, впитавшись в шерсть еще теплого животного. Мгновения пролетали мимо него, как пчелиные цепочки. Солнце поднималось все выше, звезды теперь утонули в его огне. Зуд от солнечного ожога полз по его открытой коже, но Лазарь, изо всех сил, продолжал идти — шаг за шагом, метр за метром, игнорируя боль.

Наконец он добрался до входа в пещеру и затащил кабана в ее темные глубины. Первые лучи палящего солнца пробились сквозь горизонт. Лазарь отчаянно боролся. Тянув и дергая мокрое и тяжелое животное все дальше в темноту. Задняя часть кабана Нога зацепилась за скалу на полу пещеры, и Лазарь вырвал её. Он встал и приготовился к очередному рывку, когда тонкий красный луч света — нить не шире паутины — пронзил далёкую расщелину на вершине далёкого восточного хребта. Линия багрового света пронеслась по долине камней и вошла в устье Пульс пролетел над пещерой и отскочил от мокрого заднего копыта кабана. Затем луч изменил направление, поднимаясь вверх от копытца кабана, и, наконец, попал Лазарю прямо в глаз.

Мальчик отпустил кабана и бросился в тень. Он извивался и...

Он метался по полу пещеры, словно пытаясь убежать от разъяренного облака ос. «Ох»
Боже! Ах! Ах!

Из каждого его тела валил сернистый дым и серый пепел, пыльная желтая дымка тяжело осыпалась на пол пещеры. Вслепую, размахивая руками, он поднялся на ноги и, спотыкаясь, побрел вглубь пещеры, подобно тому, как дезориентированная свинья выбиралась из нее. Желтоватый пепел тянулся за Лазарем, когда тот пронесся по проходу и устремлялся в самые темные глубины грота.

«БОЖЕ! ШИПЕНИЕ!» Он рухнул и покотился по своему самодельному мешку с припасами.

«ВИЗГ!» Испуганные летучие мыши выскочили из-под потолка и закружились над ним. Теперь он катался и царапал пол пещеры, натягивая на себя мешок, хватая все подряд —

ничто, что он мог сделать, сдвинуть или передвинуть, не могло отменить содеянное. Ни кошелек, ни молитва, ни обещание не могли изменить разворачивающийся и неуклонный ход событий для Гротеска, некогда обожженного солнцем. Дымящаяся фигура

натянула на него мешок с припасами, затем выпрямилась, опираясь на одну руку. Ее воющее лицо, обращенное к потолку, дрожащее от все более твердого и хрупкого лица, издало

последний предсмертный стон: «ОТ-О-Д-Я!» Цвет померк, оставив затвердевшую поверхность, серую, как г

После рассеивания дыма осталась лишь детально проработанная статуя мертвого Лазаря — даже

его кости окаменели. Статуя опрокинулась и упала, одна окаменевшая рука была устремлена в

небо, пальцы растопырены, словно она тянулась к Отцу, к которому призывала. И когда последние остатки

Покрывся пылью и желтоватой песчинкой, грот вновь обрел свое почти нетронутое, склепообразное

состояние, за исключением редкого взмаха сбежавшей летучей мыши, потрескивающего пламени

оживленного костра и гранитного камня, покрытого пыльной и пепельной мантией оруженосца.

[Конец главы 10]

Это литературное произведение было создано и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~